

ОТ РЕДАКЦИИ

Наблюдающееся в последние десятилетия возрождение интереса к классической риторике и к риторическим фигурам во многом обусловлено изменением статуса текста (размыванием границ между устным и письменным, которое происходит благодаря современным технологиям, между индивидуальным и коллективным, оригинальным и вторичным, и т. д.), сопровождающееся повышенной «текстуализацией» повседневного общения. Новая коммуникативная ситуация выводит на первый план речевые, образные и ситуативные клише, порой закрепляющиеся в виде мемов. В связи с этим гуманитарные дисциплины начинают возвращаться к ранее маргинализированным техникам работы с текстами, где в фокусе исследования находятся повторяющиеся речевые и мыслительные структуры, а также методы их воспроизведения. Заметную роль в этом возвращении сыграла исследовательская традиция, связанная с работами А. Варбурга и его последователей, а также классический труд Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948), который продемонстрировал устойчивость античных и средневековых топосов в европейской культуре в целом. Однако для современной научной практики такая работа с текстами невозможна без отчетливого понимания социальных и материальных условий их производства и циркуляции. Отсюда смещение исследовательского внимания с написания текста к его распространению, будь то путем переписывания, публикации, перевода, адаптации, репостов и т. д.

В первой рубрике номера, посвященной «общим местам», речь идет именно о таком широком понимании этого явления, совмещающего в себе черты античной ораторской традиции (ассоциации речевых блоков и «мест»), средневековых и ренессансных практик чтения (выписок из текстов с последующей организацией их во флорилегии или *commonplace books*), и современной концептуализации «мест памяти». Мыслительные, дискурсивные и визуальные шаблоны оказываются точкой пересечения разных культурных идеологем, накладывающих свой отпечаток на их дальнейшее использование. Проходя через столетия, параллельно существуя в разных языках, «общие места» сохраняют в себе следы культурной памяти определенной эпохи и, что не менее важно, ее дальнейшего забвения, постепенно меняющего их изначальный смысл. Так, несмотря на дистанцию, которая отделяет античные концепции *loci communes* от современного восприятия «общих мест», последние удивительным образом не утрачивают связь с судебной аргументацией, предполагающей публичное столкновение двух непримиримых позиций, будь то споры о теории Дарвина (см. статью **К. О. Гусаровой** «Эстетика эволюции: Дарвин против Венеры Медичи») или интернет-полюмики о современной молодежи (см. статью **И. В. Прус** «От “тупого быдла” в интернете до нового героя протестов: дисфемизм *шкoлoтa* и репрезентации подросткового участия в публичной сфере»). При этом, как в последнем случае, местом конфликта оказывается само наименование, что может становиться толчком к переосмыслению

этого конфликта. Так, **О. И. Тогоева** показывает, что геральдический волк Людовика Орлеанского истолковывался бургиньонами сперва как символ тирании, а затем как вервольф, и это в конечном счете меняет и представление об оборотнях.

Очевидным образом, выработка формулы для обозначения определенного события или явления представляет собой не только риторический, но и политический жест, нередко превращаясь в условную кодировку общественной позиции. К примеру, «язычество», о котором говорят русские проповедники конца XVII столетия, на самом деле отсылает к церковному расколу и новым отношениям между Церковью и государством (см. статью **А. И. Поповича**). **А. С. М. Волошина** прослеживает, как в эпоху царствования Николая I страх перед тайными обществами постепенно приводит к тому, что в бумагах III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии само слово *общество* приобретает негативный оттенок и начинает употребляться чиновниками с большой осторожностью. Между тем как уже в XX столетии метафора «удушья» — одновременно и отсутствия «воздуха свободы», и удушения со стороны властей — становится ключевым элементом диссидентского дискурса (об этом см. статью **Г. С. Зелениной**).

Наряду с выработкой и намеренным переосмыслением расхожих формул особый интерес представляет их длительное существование во времени. Так, на примере французского выражения «завершить Лувр» **А. В. Стогова** показывает связь между различными проектами этого дворцового комплекса и эволюцией идеи монархии, национальной истории и ее репрезентации. «Лувр» тут превращается в своеобразную линзу, позволяющую увидеть точку схождения идеологических, экономических и эстетических перспектив. К проблеме репрезентации обращается и **Е. Ю. Нагаева**, анализируя, в частности, как идеологема «гибели СССР» превращается в фантастическое повествование о пионерах-вампирах, т. е. как формульный сюжет позволяет метафорически реализовать идею мертвой, но стремящейся казаться живой утопии.

Авторы статей, составивших вторую рубрику номера, обращаются к разнообразной по своим типам литературе путешествий — от итинерариев и путевых дневников до экспедиционных отчетов и литературно-публицистических тревелогов. **А. Ю. Серегина** анализирует путевые заметки Томаса Норта (XVI в.), в составе английского посольства в Рим посетившего несколько европейских стран. Заметки Норта, в которых тот передает свои впечатления от архитектуры и технических достижений, фауны и ландшафта, описывает политические и религиозные аспекты местной жизни, уникальны тем, что сочетают элементы средневекового итинерария, дневника и мемуаров. **И. А. Ладынин** публикует отчет русского египтолога В. С. Голенищева о путешествии в Египет осенью 1890 — зимой 1891 г. Данному документу, возможно планировавшемуся к публикации, также свойственна определенная жанровая неоднородность: кроме сведений, представляющих интерес для академического сообщества, он содержит ряд деталей, характерных скорее для путевых заметок. **Е. Л. Румановская** обращается к известному историческому эпизоду, когда несколько сотен детей и подростков, в 1918 г. отправившиеся в «питательные колонии» на Урал и в Сибирь, в силу событий Гражданской войны были вынуждены возвращаться домой через Дальний Восток, Японию, США

и Финляндию. В статье публикуются два документа из личного архива автора, созданных колонистами в скитаниях: рукописная газета и личный дневник, охватывающий события этого вынужденного кругосветного путешествия с июля по сентябрь 1920 г. Наконец, **А. В. Голубцова** рассматривает травелоги итальянских писателей, посетивших СССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов. В этих текстах выявляются комплексное взаимодействие и эволюция «русского» и «советского» мифа (СССР как аграрная страна, ассоциирующаяся с детством, населенная носителями «загадочной русской души», vs. СССР как символ индустриализации и прогресса).

Третья рубрика посвящена преломлению в художественной литературе XX в. гуманитарных идей, определяющих как проблематику, так и способ письма авторов литературных текстов. **Е. Б. Крюкова** и **О. А. Коваль** обращаются к повести Томаса Бернхарда «Хождение» (1970), на которую оказала влияние философия языка Людвиг Витгенштейна. Бернхард не только напрямую упоминает в «Хождении» автора «Логико-философского трактата», имплицитно цитирует его и имитирует его стиль письма; он полемизирует с ним, ставя своей повестью вопросы об отношениях между миром и языком, о различении истинного и ложного и т. д. В свою очередь, из проблематики повседневности, важной для французской гуманитарной мысли середины XX в., выросла концепция «инфраординарности» в творчестве Жоржа Перека, которая рассматривается в статье **В. В. Кириченко**.